

Если встреча с Синь Ци была последним заветным желанием Су Тянь, Минь Хуэй считала, что не имеет права оставлять её душу в ином мире с этим сожалением.

Особенно учитывая, что это смертельное путешествие произошло как раз тогда, когда она уже ехала к Синь Ци —

если бы не спасение её жизни, двое давно разлучённых людей уже воссоединились бы, Синь Ци выполнил бы своё обещание, судьба Су Тянь изменилась бы, и её больше не ждали бы нищета, лишения и скитания, всё, абсолютно всё наладилось бы...

С таким трудом обретенное счастье упорхнуло вот так просто.

Минь Хуэй снова и снова размышляла: в каком именно звене произошёл сбой?

Первое: не следовало поддаваться минутную слабость и соглашаться делить комнату с Су Тянь.

Второе: даже умирая, нужно выбирать подходящий день. Гром гремел так сильно, что разбудил её саму и, естественно, разбудил Су Тянь, неужели нельзя было вести себя потише при выходе из дома?

Третье: раз уж увидела, что Су Тянь увязалась за ней к самому мосту, нужно было немедленно отказаться от задуманного, а не прыгать в реку. Даже если действительно не хочется жить, пара дней роли не играет, верно?

Четвёртое: оказавшись в воде, они быстро разделились, и в тот момент она всё ещё могла умереть, отдав драгоценный спасательный круг, а не цепляться за него в одиночку...

В раздумьях всплыла ещё более страшная правда:

Су Тянь погибла потому, что она сама в тот самый момент внезапно передумала умирать.

Чем больше она об этом думала, тем меньше могла обрести покой и тем сильнее не могла простить себя: она отняла не просто невинную жизнь, но и прекрасную любовь, счастливую судьбу и надежды другого человека.

Время шло, а у Минь Хуэй не было никаких зацепок, и на следующий день ей пришлось ехать в город Хайюань.

В тихом переулке она отыскала Второй детский дом района Лунхуэй, где её приняла секретарша. Поискав информацию в компьютере, та сказала, что оба детских дома действительно объединили, но в основном под одной крышей собрали сирот с инвалидностью, а вовсе не воспитателей.

— Почему? — разочарованно спросила Минь Хуэй.

— Потому что тот детский дом был очень маленьким, в штате числилось всего тринадцать человек, а остальные работали по контракту или временно. Юнцюань и Хайюань хоть и соседствуют, но всё же это два разных города. При слиянии большинство сотрудников заявило, что не хочет уезжать из родного города: кто-то перевёлся, кто-то уволился, а вместе с детьми приехали всего три воспитателя, и на сегодняшний день в детском доме осталась работать только одна Учительница Хань.

Су Тянь упоминала в дневнике нескольких воспитателей, но ни у одного из них не было фамилии Хань. Тем не менее поездка не должна была пропасть зря, и они встретились в приёмной.

Учительнице Хань на вид было около пятидесяти лет, с короткой стрижкой, высокого роста, в очках в чёрной оправе, с очень мягким характером. Когда Минь Хуэй объяснила цель своего визита, та сразу кивнула:

— Помню, помню. В те годы я работала в реабилитационном кабинете и в основном отвечала за реабилитацию детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата. Су Тянь и Синь Ци не были инвалидами, поэтому по достижении школьного возраста они пошли в закреплённую за нами начальную школу. Какое-то время я их провожала и встречала, а также часто водила на внеклассные занятия, так что мы были довольно близки. Детский дом маленький, детей немного, все виделись изо дня в день, и общая ситуация была известна.

— Учительница Хань, — задала самый базовый вопрос Минь Хуэй, — как Су Тянь попала в детский дом?

— Её спасли во время операции по борьбе с похищениями детей, когда ей было чуть больше трёх лет. Тогда в ходе той операции спасли группу похищенных девочек, и лишь для двоих детей нашлись биологические родители. Остальные остались в детском доме города Юнцюань. Когда Су Тянь только приехала, она больше года не произносила ни слова, мы даже думали, что она глухонемая. Отвезли в больницу на обследование, но врач сказал, что слух у ребёнка в норме, просто она, видимо, сильно испугалась. Позже она постепенно начала говорить и рассказала нам, что её похитили вместе с младшим братом, но они очень быстро разлучились. Как звали брата, она не помнила, имён родителей тоже не знала... Помню, детский дом даже специально разыскивал следователей уголовного розыска, участвовавших в той облаве, чтобы узнать, можно ли выяснить судьбу брата. Следователи ответили, что спасли только девочек, мальчиков среди них не было. Возможно, его продали раньше. Мы звонили главарю, который отбывал наказание, но он наотрез отказался признавать этот факт.

— А Синь Ци? Он тоже ребёнок, ставленник торговцев людьми? — спросила Минь Хуэй.

— Нет. От него отказались. Вскоре после рождения его оставили на стуле в зале ожидания вокзала, завернув в кусок ткани, внутри которого лежала записка с примерно такими словами: «Пожалуйста, добрые люди, приютите».

— Но... — не удержалась от вопроса Минь Хуэй, — а кто дал ему имя Синь Ци?

— Полицейский, который тогда доставил его в детский дом, носил фамилию Синь, а тот вокзал находился на улице Ципань, вот его и называли Синь Ци. Имя Су Тянь появилось точно так же: полицейского, который её спас, звали Су, а почему именно Су Тянь — наверное, воспитатели придумали, листая словарь.

Вот оно как.

Учительница Хань продолжила:

— Когда Синь Ци только привели, все находились в недоумении. Он был необыкновенно красивым младенцем, совершенно здоровым, к тому же мальчиком — почему же от него отказались? А потом ребёнок заплакал, боже мой, когда он плакал, всё его тело синело, а губы становились фиолетовыми. Его срочно отвезли в больницу на обследование, и оказалось, что у него врождённый порок сердца, очень тяжёлый, требующий немедленной операции. В то время на всю Китайскую Народную Республику больниц, способных делать операции на открытом сердце, было по пальцам пересчитать. Его отправили в Пекин, и там как раз находился иностранный специалист, который его прооперировал. Говорят, это было невероятно рискованно: младенцу в несколько месяцев от роду вскрывали грудную клетку и пилили кости... Врачи сказали, что ребёнок слишком мал, поэтому возможна лишь временная коррекция, а когда он подрастёт, потребуется повторная операция, иначе он не доживёт до пятнадцати лет.

Записи Су Тянь о болезни Синь Ци были крайне скудными, она упоминала лишь о нескольких его госпитализациях. Очевидно, опасаясь волновать ребёнка, воспитатели не посвящали его во все детали.

Мысленно зафиксировав все детали, Минь Хуэй продолжила расспросы:

— Су Тянь упоминала в дневнике, что у Синь Ци было плохое зрение?

— Да, сильная близорукость, тоже врождённая. Сколько именно диоптрий, не помню, но очки были толстыми, как донышко бутылки, очень тяжёлыми и дорогими. К тому же он был озорником, одноклассники любили над ним подшучивать, и он вечно ломал очки... Сам он говорил, что дальше трёх метров не может отличить мужчину от женщины, а дальше пяти — человека от животного. — Учительница Хань рассмеялась, вспоминая это. — Впрочем, ему очень повезло: в тринадцать лет его усыпила американская пара, и он уехал в Америку. Медицина там развита хорошо, наверное, сейчас его болезнь полностью вылечена?

— Возможно, — Минь Хуэй не удержалась от вздоха, поражаясь тому, как кардинально разошлись судьбы двоих детей. — А Су Тянь? Каким образом она вернулась в родные края?